

Е.А. Пушкаренко

АНТИСОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА НЕМЕЦКИХ ВЛАСТЕЙ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР (НА МАТЕРИАЛАХ ГЕНЕРАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛАРУСЬ)

Исследуется проблема антисоветской пропаганды немецких властей на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь). Установлены основные направления идеологического воздействия на население округа антисоветского характера, прослежена его эволюция, определена эффективность немецкой пропаганды. Делается вывод, что главными задачами антисоветской пропаганды стали «истребление советского духа», советских ценностей из всех сфер жизни и сознания людей, в том числе при помощи коллаборационистских организаций.

Ключевые слова: антисоветская пропаганда; Генеральный округ Беларусь; Генеральный Комиссар; война; коммунистическая идеология

В последние годы Россия сталкивается с различными вызовами, в том числе идеологического характера. Коллективный Запад все более активно навязывает миру свой взгляд на причины и итоги Второй мировой войны. При этом в попытках исказить историческую правду современные политтехнологи зачастую используют старые приемы и пропагандистские клише из арсенала Й. Геббельса. Если нападение на Советскую Россию трактовалось немецкой пропагандой как освобождение поработанных народов СССР от власти большевиков, то теперешние попытки вмешательства в жизнь нашей страны обосновываются необходимостью борьбы за права человека и противодействия существующему режиму власти. Суть явления от этого не меняется. Его сущность в свое время выразил министр пропаганды нацистской Германии следующими словами: «Что касается сопротивления большевиков, то дело здесь не в героизме и храбрости. То, что противопоставляет нам русская массовая душа, является... примитивной животной сущностью славянства; чувствовать за этим тайну русской души согласно философии Достоевского – значит совершать ошибку. Есть живые существа насколько неполноценные, настолько же способные к сопротивлению. Крыса значительно сильнее домашнего животного, поскольку живет в таких плохих социальных и хозяйственных условиях, что вынуждена обрести здоровую выносливость. Большевик тоже вынослив. Суть секрета в том, что славянский разум объединился с дьявольским еврейским “воспитанием”. Поэтому для информирования должна быть создана шкала понятий, которая бы резко отделяла храбрость и героизм немецкого солдата от примитивной животной выдержки большевика» [1. С. 100–101].

Исходя из этой установки, первые пропагандистские акции немецких властей на оккупированной советской территории были призваны подчеркнуть разницу между народом и коммунистами. Война якобы носит исключительно антисоветский, освободительный характер. Народ должен поддержать своих «освободителей» в борьбе против их общего врага – большевизма. Города и села были наполнены листовками, призывавшими разоблачать коммунистов, подпольщиков, партизан, среди которых, как подчеркивали немцы, не было мирных граждан, а лишь спрятавшиеся в лесу «жидо-коммунисты» и попавшие в

окружение красноармейцы. Пропагандистские мероприятия немецких властей на оккупированной советской территории были направлены на истребление «советского духа» из всех сфер жизни. Это была и борьба с подпольщиками и партизанами, и первые пропагандистские акции по переименованию улиц, и запреты отмечать советские праздники, в особенности 7 ноября. В связи с последним, например, председатели районных управ Генерального округа Беларусь получили приказ накануне 7-го ноября о необходимости «проведения среди населения разъяснительной работы о вредности этого праздника». Для работы с населением предлагалось мобилизовать учителей и «других письменных людей». В этот день запрещались всякие собрания населения, которое должно было заниматься ежедневной работой» [2. Л. 7].

Осенью 1941 г. радио и печатные издания сообщали в достаточно ироничном тоне о взаимоотношениях между СССР и союзниками: «Англия и США только обещают помощь, а на самом деле не имеют для этого средств»; о том, какое количество советских войск попало в осаду под Вязьмой и Петербургом (название Ленинград было запрещено). До Московской битвы немцы были уверены в быстрой победе, поэтому содержание пропагандистского материала носило высокомерный характер. Война между СССР и Германией объявлялась «сражением между правдой и ложью», а инициатором и зачинщиком войны – СССР. «Европа была на грани бездны», – сказал 3.10.1941 г. Гитлер во время своего выступления в «Берлинском Спорт-Паласе». Из его речи следовало, что именно Советский Союз готовился к войне, накапливал оружие, чтобы напасть на Германию, но «закон инициативы был на нашей стороне», – отметил фюрер, – «мы не могли предвидеть только того, насколько продвинулись военные приготовления Советов.; не только Германия, но и вся Европа, находилась на грани бездны. Я могу сегодня сказать эту правду, ведь наш враг получил такой сокрушительный удар, от которого он никогда не оправится. Возможность нашествия нового Чингис-Хана предотвратили мы».

Гитлер также намекнул на новое «секретное оружие», которое вскоре будет создано. Таким образом, все информационные сообщения были проникнуты предчувствием скорой и легкой победы над СССР. Особенно должны были впечатлить аудиторию циф-

ры о величине захваченной территории и количестве военнопленных, о кризисных явлениях в экономике СССР и его союзников, распространялись слухи даже о «народном восстании на Кавказе», как свидетельстве упадка советской власти [3. С. 1].

Со временем доказательства виновности СССР в развязывании войны приводились все более одиозные. Например, русскоязычная газета, издававшаяся в Берлине, «Новое слово» (а вместе с ней и радиопрограммы) осенью 1941 г. вышла со статьей под названием «Гибель памяти». В ней анонимный автор призвал задуматься над тем, как характеризовали Ленин и Сталин участие России в Первой мировой войне в союзе с Англией и Францией, а именно как «предательство социализма». Далее проводилась интересная параллель на примере ленинской цитаты: «Кто называет оборонительной и справедливой войну с германским империализмом, а на самом деле получает помощь от англо-французских империалистов, а кто, ничего не скрывая от народа, согласен подписать невыгодные для слабой нации условия мира, если нет силы продолжать войну, тот никоим образом не предаст социализма». Далее говорилось, что «отец народов», конечно, не забыл этих слов, но дело в том, что «в то время для спасения своей шкуры большевикам нужно было заключить мир, а теперь – вести войну». Людей подводили к мысли о том, что советская власть вскоре рухнет, а мощь германской армии лишь ускорит это падение [3. С. 2].

Но содержание и акценты в пропагандистских материалах постепенно менялись. Хотя информация о событиях на советско-германском фронте на протяжении всей войны имела помпезный тон и воспевала мнимые победы вермахта, срыв плана «молниеносной войны» вынудил оккупантов искать средства подчинения населения захваченных земель и привлечения его к сотрудничеству. Поэтому уже в начале 1942 г. антисоветская пропаганда активно эксплуатировала новые темы, например сравнивала жизнь советских людей и населения нацистской Германии. Предпринимались попытки «разоблачения отвратительных и преступных сторон советской социально-экономической и политической системы».

Своеобразный резонанс получило обращение Сталина к советским гражданам и провозглашение им отечественного характера войны. Немецкая пропаганда приводила на него свои контраргументы. «Война для народов СССР не может быть отечественной, поскольку последняя имеет цель защиту национальных идей, свободы, прав и достоинства граждан, самостоятельной внешней политики, права на развитие национальной культуры и языка, борьбы на обеспечение национального будущего народа. Может ли она быть отечественной? Мы не ведем наступления на ваше Отечество, ведь большевики отняли его у вас вместе с историей и национальным сознанием. Вообще немцы ведут только оборонительные войны. Германия находилась перед величайшей угрозой вследствие материального и морального вооружения большевиков, огромные военные предприятия, которые создавали большевики за счет народа, были направлены против Германии. “Пакт о ненападении” был лишь тактиче-

ским шагом Сталина. Понятно, что Германия не должна была ждать нападения Красной Армии, она сделала это первой, и это был не политический, а исключительно военный маневр», – демагогично и безапелляционно сообщалось в одной из статей. Немецкая пропаганда утверждала, что Германия не имеет каких-то преступных намерений в отношении «русского народа», наоборот, сейчас у него появилась возможность вернуть себе Отечество, избавиться от своей бесправности и последствий коллективизации, репрессий НКВД, возродить национальные традиции, религию, получить землю. «У вас нет того будущего, за которое бы следовало воевать на стороне большевиков», – подобный пропагандистский слоган стал лейтмотивом печатных изданий и радиопрограмм [4. Л. 5–6].

Специальные обращения были адресованы непосредственно членам коммунистической партии и комсомола. Так, среди гражданского населения и пленных красноармейцев распространялась брошюра на русском языке под названием «Коммунистическая партия СССР», в которой утверждалось, что рядовые члены ВКП(б) обмануты большевиками («немецкой власти хорошо известно о той преобладающей цифре обманутых большевиками коммунистов и комсомольцев, составляющих большинство ВКП(б)»). Этим обманутым гарантировались жизнь и свобода, если они с оружием в руках перейдут на немецкую сторону ради «полного примирения и сотрудничества между народами». Этот материал был адресован также советским солдатам, попавшим в окружение и сражавшимся впоследствии уже в составе партизанских отрядов [5. Л. 29].

1942 г. связан с началом пропагандистских акций празднования дня рождения Гитлера, 1 Мая в национал-социалистическом духе и так называемого дня освобождения. 20 апреля 1942 г. в Минске состоялось торжественное собрание общественности, на котором выступил Генеральный Комиссар округа Беларусь В. Кубе. День рождения Гитлера был объявлен «днем признательности белорусского народа фюреру за национальное освобождение и возможность национального возрождения». Особую благодарность участники собрания выразили за то, что «он открыл белорусам дверь в светлое и счастливое будущее, дал возможность их родине войти в состав Новой Европы». В этот день прошли торжественные мероприятия повсеместно на территории округа; были празднично украшены школы, прошли сходы сельского населения [6. Л. 36].

День трудящихся отмечался в 1942 г. непосредственно на предприятиях. В приказе относительно порядка его проведения говорилось, что условия и потребности военного времени не позволяют объявить этот день выходным. На заводах выступили немецкие референты. А на предприятиях, которые полностью выполняли план, прошли отдельные пропагандистские акции. Их суть сводилась к призывам белорусских рабочих к сотрудничеству с немецкой властью. Предприятия были «украшены» портретами Гитлера, нацистской символикой; шла трансляция развлекательных и музыкальных программ [7. Л. 7].

22 июня 1942 г. было объявлено годовщиной «освобождения поработанных советских народов». «Народы Европы под руководством Германии и Италии объединились для борьбы с их общим врагом – большевизмом. Сделано это было для того, чтобы предупредить Сталина и его еврейских приспешников, собиравшихся неожиданно напасть на национальные державы, пославшие свои армии к восточным границам континента, и этим спасли всю Европу». За год, как сообщали немцы, на «освобожденной территории была восстановлена нормальная жизнь, начало восстанавливаться разрушенное отходившими большевиками хозяйство, крестьяне получили землю, колхозный принудительный строй был ликвидирован, – и вообще было обещано скорое наступление периода “подъема и процветания”» [4. Л. 14–15]. С радостью отмечалось, что «СССР, наоборот, уже сейчас ощущает последствия подготовленной и развязанной Сталином войны... а отчаянный призыв Сталина о союзнической помощи остался безответным, ему помогли также попытки по преобразованию борьбы за коммунизм в Отечественную войну, ведь 25 лет он проповедовал подвластным ему народам, что пролетарии не имеют Родины, теперь же пытается внушить обратное». Эта агитация сопровождалась обычно политическими обзорами военного положения по радио, которые с помощью цифр о потерях Советского Союза, о кризисных явлениях в экономике Англии и США должны были убедить население в тщетности сопротивления германской армии. Типичными для этого время были материалы пропаганды с такими названиями, как «Мечта о втором фронте», «Новое время для освобожденных Германией народов», «Год борьбы с большевизмом», «Начало германского наступления» [4. Л. 29].

Но, конечно, главным мероприятием антисоветского характера в 1942 г. стало учреждение филиалов НСДАП в пределах Генерального округа Беларусь, что было приурочено к посещению белорусской земли А. Розенбергом. Его поездка по рейхсминистерству «Остланд» была обусловлена приказом Гитлера «подготовить почву и пространство для работы НСДАП на востоке». Работа по распространению и привитию идей нацизма началась в школах, общественных организациях, на предприятиях, среди сельского населения. Уничтожить «дух большевизма», «избавить народ от коммунистического яда» стали одними из главных целей деятельности школ, отделов пропаганды и политики [4. Л. 36].

Всевозможными средствами советских людей стремились убедить в превосходстве немецкой политической и экономической системы, созданной нацистами. Доверие белорусов к оккупационным властям должно было обеспечить спокойствие в тыловой зоне вермахта, способствовать привлечению населения округа к сотрудничеству с немецкой администрацией. Главным препятствием на пути к заветной цели был непонятный «фанатизм большевиков», «преданность коммунистической идее», в целом враждебные настроения среди населения и общие надежды людей на возвращение Красной Армии. Разочаровать, разубедить людей в их прежних идеалах должны были

пропагандисты. Содержание пропагандистских материалов сочетало два тематических направления – антисемитское и антисоветское. Пропаганда предпринимала огромные усилия по дискредитации И.В. Сталина, называя его «марионеткой в руках окружения, большинство которого составляют либо нерусские, либо жида». «Последние, установив большевистский режим, захватили власть, что стало возможным только благодаря мировому сионистскому заговору. Неудивительно, что Сталин жертвует миллионами русских жизней, ведь к народам России и их Отечеству кремлевским жидом нет никакого дела, они стараются спасти свои шкуры» [4. Л. 42]. Место советских идеалов и кумиров должны были занять нацистские. Победоносное завершение войны для Германии – вот что не должно было вызывать сомнения у белорусского населения. Оно должно было свыкнуться с мыслью, что его будущее уже predetermined и будет связано только с «Третьим рейхом».

Немецкая пропаганда содержала откровенную ложь о военно-политической ситуации. Например, в издававшихся немецкой администрацией газетах были опубликованы статьи о якобы имевших место попытках антисоветских выступлений в некоторых республиках Советского Союза. «В конце 1942 – начале 1943 г. Кавказ и Узбекистан были охвачены народными волнениями. Руководство этих республик хотело открыто выступить против большевистских врагов народа, сидящих в Кремле, и стоящих за ними евреев». Сообщалось также о том, что «предчувствие близкого краха большевистско-жидовской системы невероятно увеличило количество перебежчиков, что даже среди советских генералов есть определенная группа, которая собирается в перейти на немецкую сторону; что весна 1943 года стала голодной для миллионов советских граждан, а американская еврейская плутократия заработала на этом большие деньги, выделяя СССР займы» [4. Л. 42].

Еще больший резонанс вызвало заявление Сталина о роспуске Коминтерна. Это событие было объявлено «платой Сталина союзникам за помощь и вообще ее условием, поставленным Рузвельтом». Согласно пропагандистской версии, «американский президент испугался, что растущее во всем мире понимание истинного исторического смысла большевизма привлечет новые страны в лагерь «государств – оси». Но буржуазия не обеспечит себе таким образом спокойствия, ведь роспуск – фальшивый, он только ширма, за которой происходит игра по старым правилам». Доказательствами правдивости данных утверждений должен был послужить попавший к немцам так называемый приказ Сталина от 16.02.1943 г., «генерал-лейтенанту Харитонову, командующему 6-ой армией, и генерал-лейтенанту Кузнецову, командующему 2-ой армией». Суть «приказа» сводилась к определению трех этапов войны, последний из которых должен был перейти в мировую пролетарскую революцию. «Это еще раз подтверждает, что Сталину и его приспешникам-жидам интересы народа не важны, ведь все годы своего владычества они сосали кровь советских людей. Стремясь достичь мирового господства, они разожгли большевистскую войну» [8. Л. 9].

Каждое значимое событие на советско-германском фронте и на международной арене находило свое отражение в кривом зеркале немецкой пропаганды. А в 1943 г., когда надежды нацистской Германии на победу в войне стали еще более призрачными, фальсификация фактов о военно-политических событиях и процессах приобрела еще большие масштабы. Показательными в этом смысле стали сообщения о ходе и результатах битвы на Курской дуге. Это историческое сражение, с одной стороны, презентовалось немецкой пропагандой как «провал большевистского наступления в районе Орел – Белгород, в ходе которого советская армия понесла невероятные потери, ставшие предвестником Страшного суда для красных злодеев и расплаты за сотворенные ими в течение 25 лет преступления». С другой стороны, Германия и ее союзники были названы «божественными посланцами, пробудившими от летарического сна народы Европы и спасшими их от большевистской опасности, лавиной шедшей на Европу с Востока» [9. Л. 44]. Подобный характер носили исключительно все сведения военно-политического содержания на всем протяжении войны.

Мощный удар по фашистским планам нанесла встреча глав стран – союзниц в Тегеране. В свою очередь, это историческое событие заметно снизило эффективность немецкой пропаганды. Действительно, в течение трех лет до этого она успешно эксплуатировала тему выжидательной тактики союзников СССР, называя позицию союзников полной экономической и военно-политической неспособностью предпринять военные действия против Германии на территории Европы, а также как доказательство того, что Советскому Союзу, «доживающему последние дни», ожидать помощи от них не приходится. В секретной инструкции для отдела пропаганды Генерального комиссариата Беларуси, присланной из Риги 04.12.1943 г., говорилось следующее: «Вся зарубежная печать пишет о встрече Сталина, Рузвельта, Черчилля и Чан Кайши, предстоящей в ближайшее время. Цель этой встречи – мощный пропагандистский удар по немецкому народу и его союзникам; это продолжение “войны нервов”, апогеем которой стал ноябрь 1943 года. Наши враги считают, что если авианалеты не сломили морального духа немецкого народа, то им удастся это сделать средствами пропаганды. Поэтому во всех средствах пропаганды и в сфере образования необходимо придерживаться следующих аргументов: советцы уже использовали все средства, чтобы разбить нас, но эти попытки закончились для них огромными кровавыми потерями; разговоры о крупном англо-американском наступлении в Италии являются фальшивкой, тем более, что успех этой операции не будет иметь никакого оперативного значения; Япония причинила американцам огромный ущерб в морской войне; при этом нельзя сказать, что враг имел на каком-либо фронте преимущество; Черчилль и Рузвельт надеются закончить войну без существенных потерь для себя, однако в 1944 году в США состоятся выборы и военные неудачи негативно отразятся на их результатах; вражеская пропаганда через радио и листовки не имела до этого успехов; сообщения о встре-

че “четверки” – спекуляции, для нас остается только слово – “победа”; в этом смысле и следует осуществлять пропаганду» [10. Л. 17–18].

В 1943 г. на территории Генерального округа еще более помпезно прошли пропагандистские акции, посвященные «Дню освобождения Беларуси» (22.06) и дню рождения А. Гитлера. Первый из них был даже объявлен выходным днём. Однако празднования были омрачены налетом советской авиации. В течение июня газеты были наполнены сообщениями о нападении 2-го июня на Минск «сталинских соколов», в результате которого погибло большое количество мирных жителей. Еще не утихли фальшивые сочувствия по погибшим от налета, как на Генерального комиссара Беларуси В. Кубе советскими подпольщиками 22 июня было совершено покушение во время его праздничной речи в театре оперы и балета. «Белорусская газета», издававшаяся оккупантами, прокомментировала происшествие следующим образом: «Эти кровожадные собаки хотят уничтожить все белорусское, все нежидовское и все позитивное население» [11. Л. 1]. Сам гауляйтер Кубе призвал население помочь отыскать злодеев и назначил премию за их поимку в размере 100 тыс. рублей.

Несмотря на мизерный эффект от таких «праздников», пропагандистские акции подобного типа проводились и впоследствии. Например, несколько раз в Минске был с визитом министр занятых восточных территорий А. Розенберг, что сопровождалось организацией торжественных встреч и мероприятий. А 9 ноября 1943 г. местный отдел НСДАП провел празднование 20-й годовщины «пивного путча». В первый день состоялось торжественное собрание в городском театре, на второй и третий день на предприятиях и в учреждениях города прошли собрания работников, на которых рассказывали об исторической роли НСДАП в истории Германии и всей Европы.

На 1943 г. выпала еще одна годовщина – 10-летие основания «Немецкого трудового фронта», что отразилось в активной идеологической обработке белорусских рабочих. Формы пропагандистской работы стали более разнообразными. Были организованы поездки делегаций белорусских работников в Германию для знакомства с жизнью немецких рабочих и условиями их труда. Кроме того, на предприятиях проводились сходы, собрания, целью которых стала реклама образа жизни немцев, созданного национал-социалистическим режимом. Подчеркивалось, что профсоюзы в рейхе не занимаются разжиганием классовой борьбы; вся нация – едина, в том числе работники и их хозяева. У потенциальных белорусских оstarбайтеров пытались создать иллюзию успеха, безопасности в случае их вербовки на работу в Германию. Пропагандисты неустанно вещали о недостатках советской системы и преимуществах германской. Рассказывалось о высоком уровне жизни рабочих в Германии, а параллельно о том, «как заботились о рабочих большевики». «Большевики праздновали 1 Мая как день международного пролетариата, призывая к классовой борьбе. Однако празднование этого дня в освобожденных областях показало, что русские даже не хотят слышать о “мировой революции” и

“диктатуре пролетариата”, что они отвернулись от бессовестной кремлевской шайки, за спиной которой стоит мировой сионизм» [12. Л. 1].

Одним из тематических разделов этой кампании был так называемый женский вопрос. С одной стороны, немецкие пропагандисты говорили о превращении советской женщины в обычный рабочий механизм, когда советская власть во всем уравнивала ее с мужчиной. Но это равенство прав обернулось жесткой эксплуатацией: «Отсутствие женского вопроса, о чем кричали коммунисты, и борьба за их освобождение привели к тому, что советская женщина работает наравне с мужчиной, и так же, как последний, имеет шанс попасть в когти НКВД». С другой стороны, пропаганда стремилась создать некий идеальный образ немецкой женщины-матери, труд которой хотя и используется на благо воюющего рейха, однако правительство Германии не забывает о том, что каждая женщина должна быть окружена заботой и вниманием. Типичными были радиопрограммы и газетные статьи под названием “Женщина в Германии и СССР”, где проводилось сравнение социального и правового статуса советских и немецких женщин [9. Л. 42].

Особым объектом антисоветской критики и всевозможных разоблачений стала деятельность НКВД. Политика массовых политических репрессий второй половины 1930-х гг., а также методы коллективизации, включавшие раскулачивание, стали историческим основанием для создания немецкими пропагандистами пугающей картины в случае возвращения на белорусскую землю советской власти. Материалы пропаганды содержали ряд риторических вопросов и утверждений, обращенных к самым различным группам населения округа, – «Сталин и его еврейские приспешники неугодных им людей отправляли под кровавый меч пролетарской революции – НКВД». «Где теперь ваши раскулаченные земляки?» – спрашивали крестьян – «Не в лагерях?». Интеллигенции был адресован другой вопрос: «Где ваши друзья нацдемы? Что сделала советская власть с Игнатовским, Лесиком, Горецким и тысячами других?». Разоблачение реальных преступлений сотрудников НКВД сочеталось с оголтелым антисемитизмом и запугиванием местного населения перспективой возвращения большевиков [8. Л. 23].

Еще одной крупномасштабной антисоветской акцией в 1943 г. стало так называемое катынское дело, связанное с расстрелом накануне войны польских офицеров. «Ужасная находка под Смоленском» – под таким названием в апреле 1943 г. впервые появилась информация об обнаруженных немцами трупах польских офицеров. Характерно, что число жертв практически с каждым сообщением возрастало и достигло, наконец, цифры 12 тыс. убитых [13. Л. 23].

Пропагандистскую кампанию, связанную с катынской историей, можно считать первой волной запугивания населения, за которой последовали и другие уже в 1944 г. Весной последнего для белорусской земли года войны по всей территории округа прошли выступления бывших офицеров Красной Армии – Капора и Русанова о сталинских планах уничтожения

белорусского народа. Они рассказывали о деятельности особых отрядов НКВД, которые якобы проводят среди белорусских партизан аресты во «вновь оккупированных большевиками областях, поскольку, по мнению Москвы, они отравлены нацистской пропагандой и антисоветскими настроениями». Сообщалось, что все население, которое жило и работало при немцах, встретит смерть от рук офицеров НКВД. В якобы проводимых репрессивных акциях против белорусского населения обвинялись евреи. А сама репрессивная политика НКВД называлась реализацией планов Сталина. При этом утверждалось, что действия особых отрядов вызвали народную борьбу в тылу Красной Армии «против сталинских опричников» [14. Л. 36–37]. «Советы в отчаянных попытках спастись от справедливого возмездия используют все средства; выбирают самые жестокие методы ведения войны, их лозунг – “Победа любой ценой!”». Большевики мобилизуют всех мужчин – от подростков до стариков и сразу же посылают их в бой; они рекрутируют даже женщин, а в “освобожденных” ими европейских местностях специально поддерживают голод; в армии введен новый закон – тяжело раненых не подбирать» [15. Л. 8–9].

Такая грубая ложь в немецких информационных сообщениях была типичной для начала 1944 г. Было очевидно стремление запугать гражданское население края перспективой мобилизации в Красную Армию, необходимостью «отвечать» перед «особым» отделом НКВД, преследованиями не только тех, кто сотрудничал с немецкой администрацией, но и каждого человека, жившего в оккупации. Утверждалось, что уже действуют особые «команды уничтожения людей»; повсеместно, куда пришли большевики, начинаются карательные операции против «предавшего» местного населения. Параллельно с этим проходили пропагандистские кампании о «преступлениях большевиков в Европе», о близком и решающем немецком контрнаступлении. Немецкие пропагандисты в отчаянных попытках мобилизовать местное население на активное противодействие наступающим частям Красной Армии активно разоблачали «распоряжение московского Верховного Совета о переселении народов СССР в Сибирь». В акциях были задействованы и представители белорусского коллаборационизма. Например, президент Белорусской Центральной Рады Р. Островский обратился к белорусскому народу со словами: «Свою собственную судьбу решает сейчас белорусский народ. Долгожданную свободу можно обрести только своей борьбой. Все белорусы должны выступить вместе с немцами в этой борьбе, а кто не с нами, тот – наш враг» [16. Л. 101].

Поднять народ на борьбу с КА должны были специально созданные антисоветские организации. В марте 1944 г. главный редактор издававшейся в Бобруйске профашистской газеты «Речь» М. Актан стал основателем «Союза борьбы против большевизма» (СБПБ). Он лично в марте-апреле 1944 г. проводил на предприятиях Бобруйска, Осипович, Слуцка и других городов митинги, на которых излагал цели и задачи новой организации. К их числу относились: «борьба с иудо-большевиками и их союзниками; активная дея-

тельность, направленная на включение русского и белорусского народов в Новую Европу; создание нормальных условий для жизни в разрушенной большевиками стране». Девизом союза стал «Смерть – большевизму, жизнь – народу». Радио, все периодические издания на русском языке пропагандировали идеи СБПБ. Плакаты, листовки, брошюры, издававшиеся тиражом в десятки тысяч единиц и раскрывавшие цели организации, бесплатно распространялись среди населения. При этом «членами» Союза становились, главным образом, принудительно. Так, после собрания на предприятии происходила запись всех «пожелавших» вступить в СБПБ, но позже начали записывать поголовно всех работников предприятия или учреждения под угрозой обвинения в симпатиях «жидо-большевику» и увольнения. В обязательном порядке должны были стать членами СБПБ солдаты «Русской освободительной армии» (РОА). Особенно охотно принимались лица, «обиженные советской властью». В мае 1944 г. в Бобруйске начали действовать политшколы СБПБ, готовившая руководящие кадры для Союза, а также курсы пропагандистов СБПБ. Следует отметить, что программа Союза почти полностью повторяла программу РОА Власова, а поэтому не выступала за самостоятельную Беларусь, а за «равные права всех народов в составе России». Каждый участник этого антибольшевистского движения был обязан активно вести пропагандистскую, разъяснительную работу среди населения, проводить вербовку, а также «разоблачать бандитско-партизанские элементы» [17. Л. 1–2]. Кроме того, представители СБПБ входили в состав вооруженного отряда СС под началом Москаленко. Они должны были, как обычные члены Союза, давать присягу на верность А. Гитлеру.

Еще одной вооруженной антисоветской организацией стала «Национал-социалистская рабочая партия России», основанная в начале 1944 г. командиром бригады РОА Каминским в г. Дятлове. Главными целями «партии» стало «заключение почетного мира с Германией, созыв Национального Собрания, проведение национальной революции», заключавшейся «в выявлении и сосредоточении всех национальных антибольшевистских сил, идеологической и вооруженной борьбе, противопоставлении жидовской интернациональной идеологии силы национальных идей – любви к Отечеству и своему народу» [18. Л. 23–24]. Также основатели партии, как свои главные задачи, рассматривали свержение «кровавого сталинского режима в России и создание суверенной державы, которая объединит народы России», реализацию права наций на самоопределение; ликвидацию классово-сословной розни, созданной большевиками. На территории округа действовала особая партшкола НСРПР, учащиеся которой занимались пропагандой идей партии среди населения. Провозглашенные цели, по мнению организаторов партии, должны были привлечь массу добровольцев в ее ряды, однако реальность оказалась иной. Народ не спешил вступать в ряды нацистской партии.

Несмотря на низкую эффективность пропаганды, активность и масштабность идеологической обработ-

ки населения округа только возрастали и достигли наивысшей точки весной-летом 1944 г. Можно сказать, что военные «успехи» вермахта находились в обратной зависимости от количества пропагандистских акций. Неудавшиеся попытки привлечь белорусов в вышеназванные организации были заменены проведением оккупационными властями в Минске и других городах округа так называемых антибольшевистских манифестаций. На подобные мероприятия собирали по несколько тысяч человек, от имени которых принималась так называемая резолюция протеста. Помимо этого белорусскоязычные периодические издания были обязаны заниматься популяризацией вождей нацистской партии и содержать материалы из биографии Гитлера, Геббельса и других лидеров «Третьего рейха». Обычно на первой странице издания размещалось изображение фюрера, ниже – его биография и обращения от имени благодарных белорусов: «Беларусь благодарна своему освободителю А. Гитлеру!», «Честь и слава освободителю народов – А. Гитлеру!» [19. Л. 1].

Особым разделом антисоветской пропаганды стала критика социальной политики советской власти и ее сопоставление с политикой германского правительства. Известно, что с первых дней оккупации население округа ощутило на себе ряд нововведений в области социального обеспечения, например врачебная помощь и получение образования стали платными. При этом газеты и листовки объясняли подобные меры новых властей потребностями военного времени, «нуждами фронта», от обеспечения которых население вскоре будет полностью освобождено. Понятно, что одни пропагандистские лозунги не могли решить текущих социально-экономических вопросов. Людей надо было обеспечивать продовольствием, выплачивать им зарплаты, открыть магазины, наладить торговлю. Тем более что партизанская пропаганда сообщала о реальном положении вещей, в том числе и о том, что зарплаты на территории округа самые низкие, по сравнению с другими территориями Остланда, не говоря уже о Германии.

На это быстро отреагировали немецкие власти: в декабре 1941 г. было опубликовано постановление В. Кубе «О политике в области зарплаты», которое предусматривало сохранить тот уровень, который существовал до 20.06.1941 г. (в пересчете на марки), что объяснялось такой гуманной целью, как «предупреждение роста цен и инфляции» [20. Л. 58]. Но те, кто, возможно, рассчитывал на какие-то позитивные изменения, были наверняка разочарованы последующим постановлением в области трудовых отношений и зарплат от 21.10.1942 г. Оно полностью повторяло содержание закона об отношениях между работниками и хозяевами предприятий, действовавшего на территории Германии. Постановление создавало только видимые заботы государства о народе, поскольку собственники предприятий не имели права увольнять работников или снижать им зарплату, но и работники не могли перейти на другое предприятие в поисках больших заработков. Нарушение трудового договора той либо иной стороной, отказ работать на данном рабочем месте и снижение производительности труда

строго наказывались. Пропаганде нового трудового законодательства должны были служить марионеточные профсоюзы, организованные в августе 1942 г. по приказу В. Кубе по образцу германских. В инструкции для пропагандистов, касательно освещения этого события, говорилось, что акцент в ходе пропагандистских акций нужно делать на том, что белорусские профсоюзы призваны заботиться о материальном обеспечении трудящихся, о проведении ими свободного времени, а также о здравоохранении. Создание профсоюзов по примеру «Немецкого трудового фронта» должно было якобы повысить производительность труда, а то, что они избавлены от необходимости вести «классовую борьбу», является историческим достижением и одновременно создает основу для возрождения Беларуси. Подчеркивалось, что другой важной задачей Генерального Комиссара и его подчиненных будет медицинское обеспечение белорусского населения. Все это должно было убедить людей в том, что несмотря на войну, гражданская администрация округа заботится о населении и достигла в этом плане уже очень многого – это и право пациента выбирать того или иного врача, и право получать медицинскую помощь в стационарах или амбулаториях, и право бесплатно получать лекарства и право на материальную помощь в случае болезни в размере 50% от зарплаты [21. Л. 37–39].

Пропаганда в области трудовых отношений и социальной политики была построена на противопоставлении достижений германского правительства и недостатков советской системы. Наибольшее внимание здесь обращалось на то обстоятельство, что главную ценность в нацистской Германии составляло «благополучие и семейное счастье каждого немца», а «большевики только использовали рабочую силу человека, отравляли разум жидовскими идеями интернационализма, разжигая классовую вражду». Таким образом, они вели подготовку к мировой революции, а обычный работник – мужчина или женщина – не

мог воспользоваться своими конституционными правами и свободами [22. Л. 2]. Одним из доказательств «искренней» заботы немецкой администрации о населении округа должна была послужить создание в 1943 г. организации «Белорусского строительства». Пропаганда называла главной задачей «Белорусского строительства» постройку жилья для жителей округа, а также «стремление немцев обеспечить ограбленный большевиками белорусский народ жильем, которое было разрушено отступавшими большевиками» [23. Л. 53].

Такое количество пропагандистских акций отражало фактическую беспомощность немецких захватчиков в попытках противодействия партизанской пропаганде. С приближением линии фронта пропаганда все больше запугивала «жидо-большевистской угрозой для Беларуси». За этой фразой скрывался страх самих оккупантов перед реальностью и предстоящим временем расплаты. Активная пропагандистская деятельность немецких властей, фактически накануне советского наступления, стала последней попыткой скрыть собственный провал в реализации планов господства на Востоке, попыткой привлечения населения оккупированных территорий СССР на сопротивление наступающим частям Красной Армии.

Таким образом, массированная антисоветская пропаганда, ориентированная на самые различные слои населения, оказалась малоэффективной. Белорусское население округа с недоверием относилось как к информации военно-политического характера, так и к всевозможным агитационным материалам. Надежды захватчиков вызвать массовый народный подъем против наступающих частей Красной Армии потерпели крах. Усилия немецких и местных пропагандистов нивелировались крайне жестоким оккупационным режимом, в том числе методами борьбы с партизанами, карательными экспедициями СС против мирного населения, массовым уничтожением евреев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов Ю.Л. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М. : Изд-во МГУ, 1985. 186 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 6. Д. 8.
3. НАРБ. Новое слово. 12.10.1941.
4. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 32.
5. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 35.
6. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 409.
7. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 6.
8. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 33.
9. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 52.
10. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 382а.
11. НАРБ. Белорусская газета. 23.06.1943.
12. НАРБ. Возрождение. 28.06.1943.
13. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 73.
14. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 298.
15. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 11.
16. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 13.
17. НАРБ. Ф. 854. Оп. 1. Д. 1.
18. НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 575.
19. НАРБ. Белорусская газета. 04.03.1944.
20. НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 577.
21. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1272.
22. НАРБ. Белорусская газета. 11.08.1943.
23. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1259.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 августа 2020 г.

German Authorities' Anti-Soviet Propaganda in the Occupied Territory of the USSR (Based on the Materials of the General District of Belarus)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 170–177.

DOI: 10.17223/15617793/471/20

Elena A. Pushkarenko, Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Keywords: anti-Soviet propaganda; General District of Belarus; General Commissioner; war; Communist ideology.

The article examines the problem of the German authorities' anti-Soviet propaganda in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus). Using the research methods of analysis and synthesis, the author aims to establish the main directions of ideological influence of anti-Soviet character on the population of the district, to trace its evolution, to determine the effectiveness of German propaganda. The article is based on previously unpublished historical sources, including documents of the National Archive of the Republic of Belarus (NARB), which include propaganda materials of the occupied authorities, orders of representatives of the German administration and heads of the General District of Belarus regarding anti-Soviet agitation, analytical materials of Soviet authorities, reports of partisans. The duration of the occupation regime in Belarus during the Great Patriotic War forced the German authorities to use political propaganda to influence the local population. The tasks of anti-Soviet propaganda were the extermination of the "Soviet spirit" and Soviet values from all spheres of people's life and consciousness. The main techniques were demagoguery, outright lies, and falsification. Thematically, anti-Soviet propaganda included a number of sections: informing about events on the Soviet-German front, discrediting Stalin and the top officials of the Soviet Union, criticism of the Soviet social security system and labor legislation, intimidation of the Belarusian population with the prospect of returning to Soviet power and punishment by the NKVD for living under occupation. Collaborationist organizations, including the Belarusian Central Rada (BCR), were involved in anti-Soviet propaganda. To spread the Nazi ideology, the occupiers created the Union of Struggle Against Bolshevism (SBPB) and the National Socialist Workers' party of Russia (NSRPR) in the district. However, participation in these pro-fascist organizations was mostly compulsory. Both heads of the German district administration – William Kube and Curt von Gottberg – attached great importance to the spread of national socialist ideology, the formation of a new scale of values, different from the Soviet one. The massive anti-Soviet propaganda aimed at various segments of the population was ineffective. The Belarusian population of the district distrusted both military political information and propaganda materials distributed by the invaders. The invaders' hopes of causing a mass popular upsurge against the advancing Red Army units crashed. The efforts of German and local propagandists were leveled by the extremely brutal occupation regime, including methods of fighting partisans, SS expeditions against civilians, and the mass extermination of Jews.

REFERENCES

1. Orlov, Yu.L. (1985) *Krakh nemetsko-fashistskoy propagandy v period voyny protiv SSSR* [The collapse of Nazi propaganda during the war against the USSR]. Moscow: Moscow State University.
2. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 6. File 8.
3. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Novoe slovo*. 12 October 1941.
4. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 32.
5. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 35.
6. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 409.
7. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 6.
8. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 33.
9. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 52.
10. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 382a.
11. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Belaruskaya gazeta*. 23 June 1943.
12. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Vozrozhdenie*. 28 June 1943.
13. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 73.
14. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 298.
15. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 11.
16. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 13.
17. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 854. List 1. File 1.
18. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. List 33a. File 575.
19. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Belaruskaya gazeta*. 04 March 1944.
20. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. List 1. File 577.
21. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 1272.
22. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Belaruskaya gazeta*. 11 August 1943.
23. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 1259.

Received: 06 August 2020